

Изгнание Раи

Автор:

[Татьяна Тронина](#)

Изгнание Раи

Татьяна Михайловна Тронина

Нити любви

Олег и Рая счастливо женаты много лет, их брак казался идеальным. Но вот погибает лучший друг и партнер по бизнесу – Никита, и все меняется в одночасье. Друга едва успели похоронить, как вспыхивает страсть между Олегом и молодой вдовой Ангелиной. Рая брошена, унижена и совершенно разбита, а окружающие почему-то на стороне «несчастной» вдовушки. Теперь остается только одно – месть. Но интрига закручивается еще интереснее, когда Олег передает весь свой бизнес любовнице и раскрываются тайны прошлого Ангелины.

Татьяна Тронина

Изгнание Раи

В ресторане было тепло, тихо, уютно; мягко переключалась разноцветная подсветка под потолком, и оттого помещение напоминало какой-то дивный сказочный сад. Цветы и лианы, вьющиеся вдоль стен, только усиливали это впечатление.

Поначалу Рая чуть не уснула, убаюканная теплом и световыми переливами вокруг, поскольку до этого сильно продрогла, одевшись не по погоде, в легкий плащ. Утром было тепло, сияло солнце, казалось, в город пришла настоящая весна... А вечером март напомнил о своем непостоянном характере: небо

заволокли тяжелые сизые тучи и полил противный холодный дождь напололам со снегом.

Поэтому начало вечера ускользнуло от сознания Раи – она сидела за столом, одурманенная теплом, и не обращала внимания на происходящее. Вероятно, муж заметил отрешенное выражение на лице Раи и постучал костяшками пальцев по столу. Рая вскинула на него голову.

– Дорогие мои, – с улыбкой произнес Олег, встретившись взглядом с женой, и поднял бокал шампанского. – Хочу напомнить, что мы сегодня собрались отметить день рождения Никиты. Тридцать три года – не юбилей, конечно, формально, но дата знаковая, особенная. Я это на себе прочувствовал еще зимой, когда отмечал аналогичное событие. Ощущение того, что в сознании происходит какой-то перелом... Переход от молодости к зрелости! По-новому начинаешь смотреть на мир вокруг, на людей. И себя воспринимаешь как-то иначе. Так вот, Никита, я тебя поздравляю с новым этапом жизни, самым лучшим, как мне кажется. Когда еще полно сил, но уже появилась некая мудрость, что ли. Желаю тебе новых свершений! Новых подвигов и побед!

– Ура, – коротко произнес Никита. – Спасибо, друг. Сегодня не пью, сам понимаешь, за рулем, мне еще вас развозить, кстати, так что воспользуюсь апельсиновым соком.

– Я тоже из солидарности с тобой пью сок! – потянулась с бокалом к Никите его жена, Ангелина.

– Ну, а я не откажусь от шампанского, – спохватилась Рая, поднялась со своего места, потянулась через стол – чокнуться с Никитой и с другими, то есть с Ангелиной и своим мужем Олегом.

Они почти всегда собирались узким кругом. Раньше и того меньше сидело за праздничным столом: Рая, Олег да Никита. Но года четыре назад Никита женился, и в компании появилась Ангелина.

Рая так и не смогла к ней привыкнуть. Может, дело в возрасте? Ангелина была младшей в их тесной дружной компании. Всем по тридцать три нынче, а той – двадцать пять только. Другой мир! Потом, у Раи с Олегом детей не было, а Ангелина родила сразу, через несколько месяцев после заключения брака, –

девочку. Сладкого белого ангелочка Серафиму. Ангелина – белые кудри до пояса, и дочка тоже – с нимбом из светлых локонов над ясным лобиком. В именах, во внешности Ангелины и Серафимы заключалось тоже нечто кукольное и ненастоящее, киношное даже. Как можно быть на самом деле такими хорошенькими и милыми? А вот можно – одним своим внешним видом отвечали юная мать и ее крошечная дочь.

– А где сейчас дочка? – вырвалось у Раи.

– Серафима сейчас с мамой, – охотно ответил Никита. – Ей за счастье с внучкой возиться. Тяжело, правда... На днях возил маму к доктору – сказали, придется коленный сустав менять.

Почему Рае ответила не Ангелина, а Никита? Это и было третьей возможной причиной того, что у Раи не ладилось с женой друга мужа. Ангелина и вела себя тоже как-то странно, словно маленькая девочка, ровесница своей дочки. Капризничала, манерничала, вечно у нее возникали какие-то проблемы, с которыми она не справлялась и потому ждала помощи от окружающих. Вот и сейчас Никита ответил Рае за жену, потому что Ангелина сидела в данный момент с милой рассеянной улыбкой и даже головы к Рае не повернула... А Никита, чуткий человек, не хотел допустить, чтобы Рая попала в неловкое положение из-за его жены.

Рая знала Никиту уже пятнадцать лет. Никита и Олег – однокурсники, учились в одном вузе. Олег считал Никиту лучшим другом; к тому же они являлись компаньонами. У них было общее дело: сеть продуктовых магазинов в городе. У Олега – семьдесят пять процентов, у Никиты – двадцать пять процентов бизнеса.

Оно и немудрено, Олег всегда шел первым. Он – главный. Умница, красный диплом, смелые идеи, разумная осторожность плюс отвага. Еще Олег умел общаться с людьми, находил к каждому собеседнику подход. Мягкий, открытый, добрый, спокойный. Душой компании, рубахой-парнем Олег при этом не был. При всей своей открытости он не обладал широким кругом знакомств, не стремился к постоянному общению.

К тому же Олег был внешне привлекателен: все в нем было правильным, соразмерным – рост, фигура, лицо. Он располагал к себе и своим видом, и своими манерами, никогда не суетился и почти не злился. Олега обожали дамы в

возрасте, он казался им идеалом мужчины, они умилялись, восхищались им и твердили Рае: «Раечка, как же вам повезло с супругом!»

Рая, несмотря на долгие годы брака, так и не привыкла к мужу, чувствовала себя вечной новобрачной, восторженной и немного напуганной из серии: «Как, и это все мне? Но за что?! Чем я заслужила?..»

Никита же всегда казался Рае каким-то... жалким, что ли. Так нельзя говорить, но... Думать-то не запретишь сама себе, свои чувства не отменишь, впечатления не отредактируешь? Да, Никита всегда казался Рае жалким. Слишком худой, слишком суетливый. И неряшливый какой-то. Есть же люди, которые постоянно умудряются в чем-то испачкаться, зацепиться карманом за дверную ручку, порвать одежду о торчащий гвоздь, и где они только умудряются его найти... С неудачной стрижкой (сколько бы парикмахеров ни сменили!), вечно примятыми прядями на затылке. В уголки губ забился кетчуп, между зубами намертво застряла веточка укропа.

Учился Никита в институте, как помнила те годы Рая, не то что бы плохо, нет. Но сессии сдавал тяжело, с боем. Ночами корпел над заданиями, допускал небрежности. В отличие от Олега, справлявшегося со всеми учебными сложностями легко и быстро.

Тем не менее эта непохожесть ничуть не мешала дружбе Олега и Никиты.

Какое-то время Рая, наблюдая за Никитой со стороны, думала, что тот никогда не найдет свою «вторую половинку». Никиту девушки просто не замечали! И тут вдруг Ангелина – воистину ангел во плоти. А потом и доченька появилась на свет, такая чудесная. Олег радовался за друга – и на свадьбе, и потом... А уж рождение маленькой Серафимы вызвало у Олега даже слезы. Они все тогда втроем – Никита, Олег и Рая – стояли под окнами роддома и ревели в три ручья. От радости и переживаний за Ангелину.

...Официантка принесла горячее. Олег с Раей заказали себе щедрые ломти стейков, Никита со своими проблемными слабыми зубами захотел мягкий люля-кебаб, Ангелина попросила себе какую-то лапшу со множеством ингредиентов.

– Острая какая, – растерянно заметила Ангелина, пробуя лапшу. – Я не могу такое есть. Прямо огонь!

– Да? – удивился Никита, подцепил у нее своей вилкой с тарелки лапшу (родные люди, единое целое практически, чего стесняться), при этом капнул соусом себе на колени, но, как всегда, не заметил... Пожевал лапшу, задумался на мгновение. – Да нет, не слишком.

– Попроси поменять, – предложила Рая Ангелине. – Что-нибудь другое закажи еще.

Но Ангелина продолжала неподвижно сидеть, с недоумением и грустью разглядывая содержимое своей тарелки. Кажется, она ничего не собиралась предпринимать.

– Официант! – махнул рукой Олег, указывая на тарелку с лапшой. – Принесите что-нибудь не такое острое, пожалуйста. Невозможно есть.

Официант рассыпался в извинениях, унес тарелку.

– Друзья мои, – встал Никита. – Ответное алаверды, так сказать... Рая, Олег. Хочу поблагодарить вас. Вы всегда со мной, сколько лет... И вы всегда вместе. С детства, да? Я завидую вашему союзу белой завистью и хочу, чтобы наши отношения с Ангелиной оказались бы столь же долгими и крепкими. Ура вам. Мы вообще, все четверо, удивительный пример дружбы и любви, верности...

– Ура. Прекрасен наш союз, он, как душа, неразделим и вечен... Да, ты еще про Левушку забыл сказать, – приобнял его за плечо Олег, но не успел договорить.

– Ага! Вот они где! – вдруг раздался рядом торжествующий голос.

– Вот и он, кстати, легок на помине! – хитро произнес Олег.

Все обернулись: к столу энергичной, пружинящей походкой приближался Лев. Как есть лев – мощный, сильный, огромный, полный природной энергии. Великан с абсолютно белыми волосами; тем он напоминал альбиноса. Одетый так, словно только что с рыбалки: брюки из грубой дерюги защитного цвета, потрескавшаяся кожаная куртка, потерявшие цвет и вид башмаки. И как его только в приличные места пускали?.. Но – пускали, и охотно, с почтением, охранники и швейцары всегда с готовностью и даже радостью распахивали

передо Львом двери, верно, профессиональное чутье им подсказывало, что это серьезный человек, а не какой-то бомж с вокзала.

Лев – однокурсник Никиты и Олега. Льва, наверное, нельзя было назвать в полном смысле лучшим их другом, но и обычным приятелем этим двоим Лев тоже не являлся. Так что друг, просто друг. Таинственный и далекий, появляющийся лишь время от времени.

– Сюрприз! – басом пропел Лев и сграбастал в объятия Никиту, выскочившего к нему из-за стола. – Подарочек тебе, новорожденный ты наш, прямиком из Милана. Вот коробочка. Потом посмотришь...

– Но откуда... Ты даже не предупредил... – затрепыхался в его крепких объятиях Никита.

– Олежка знал. Олег, дружище! – настала очередь Олега обниматься со Львом. – Я, Никитушка, проездом. Еле время выкроил. Через час уеду, не хочу в аэропорт опоздать.

– Мы как раз за нашу дружбу собирались выпить. Всего час ты с нами? Эх, жалко... – вздохнул Никита.

– Дела, все дела. Я как Фигаро – то тут, то там. Ну-ка, а это кто у нас, – Лев мягко поднял к себе Раю за запястья, принялся ее разглядывать сверху вниз. Нагло и беззастенчиво, но в то же время совершенно не обидно. Потому что кто ж обижается на природу, на зверя. На льва...

– Привет, – сказала ему Рая. – Рада тебя видеть.

– Ты ж моя красавица, царица ты Шемаханская, – принялся целовать ее Лев. Губы у него были твердые и мокрые. От Льва пахло как-то странно – спревшим сеном, дегтем каким-то. Он весь был странный: загорелый до красноты и с белыми волосами, и с этими прозрачными холодными глазами, напоминающими лед. Рая не особо любила Льва, всегда инстинктивно сторонилась его. Чужой, непонятный... Вот и сейчас она попыталась потихоньку освободиться от его лап.

– Так, а это кто там. Ангел наш... – Лев принялся пробираться к Ангелине, испуганно смотрящей на него.

– Лев, ну перестань, – нервно пропищала Ангелина, пытаясь отмахнуться. – Ай, раздавишь. И давай без поцелуев...

Конечно, Лев не стал ее слушаться, поднял к себе, обнял, расцеловал в обе щеки. Пунцовая от смущения, недовольная, Ангелина села обратно в кресло, надула капризно губы.

– Как доченька? – ласково спросил Лев, садясь рядом с Никитой. – Сколько ей?

– Три исполнилось, все хорошо, сейчас с бабушкой, моей мамой... Ты-то как? – ответил Никита.

– Ничего, тоже хорошо. Торгую, как и раньше. Оливки и оливковое масло по-прежнему пользуются популярностью. Так, мне вот это и это, – Лев, подозвав официантку, ткнул в меню. – Только побыстрее, пожалуйста, у меня самолет.

– Куда ты сейчас? – спросил Олег.

– В Питер, потом в Ригу, потом обратно в Милан. И вот что, братцы, давайте выпьем. За Никиту.

– Я за рулем, ни-ни-ни! – замахал тот руками.

– Ну, бра-ат!

– И не проси.

– Ну Ники-итушка...

– Лева, даже не начинай, – засмеялся Никита. – Вот шампанское, вот водка, если хочешь.

– Водки – выпью. Я-то не за рулем сегодня, меня такси повезет.

Они болтали, старые друзья, а Рая разглядывала их, в который раз удивляясь. Такие разные, что держит вместе этих людей?

- Женился? - спросил Олег Льва.

- Нет. И не собираюсь. Вот еще. Так - все женщины мои, да, Раечка?...

- Лев, ты, получается, бабник? - спросила она с интересом.

- Хо-хо-хо, а то ты не знала...

- Левушка! Если уж удалось нам наконец с тобой раз в сто лет встретиться, я тебе хочу деловое предложение сделать, - особенным, серьезным голосом произнес Олег. - Короче. Не хочешь ли ты с нами объединиться?

- Со мной и Олегом, - кивнул Никита.

- Да, - подтвердил Олег. - У нас есть возможность открыть еще пару «точек», то есть продуктовых магазинов, и твоя продукция там была бы очень кстати. Возможно, мы смогли бы даже сделать ребрендинг всей сети и назваться магазинами органического питания... Сейчас у меня семьдесят пять процентов, у Никиты - двадцать пять процентов бизнеса, но все можно переиграть, как ты понимаешь.

Лев склонил голову набок, задумался.

- Заманчиво, ох как заманчиво... Сейчас в большой моде все натуральное и правильное, без химии, - пробормотал он. - Но... Братцы, мы ж друзья. А друзья не должны давать друг другу займы, не должны затевать общее дело. Ведь поссориться можно, потерять дружбу! Не-ет, ради денег я не готов своими друзьями жертвовать.

- Почему поссоримся, мы с Олежкой вон уже сколько лет компаньоны! - напомнил Никита.

- Нет, нет, не хочу рисковать... - улыбнулся Лев, показав белые, ровные, очень крупные зубы.

– Ладно, не торопись с ответом, подумай, – добродушно произнес Олег.

Возможно, у Льва на самом деле были какие-то иные причины отказываться от «тройственного» союза... Но он сделал это, как принято сейчас говорить, в комплиментарной форме. Станный человек Лев. На вид – ну ладно, не зверь, не лев, а мужик мужиком, неандерталец, и повадки какие-то грубые, словно этот человек и не подозревает об этикете, а на деле не было никого тоньше и деликатнее Льва. И опаснее. Может, Рае казалось, но от Льва исходила какая-то сила. И сразу становилось понятно: этот человек знает, что хочет, он не позволит манипулировать собой и никому ничего просто так не спустит. Наверное, было бы страшно иметь врагом человека, подобного Льву. Растерзает до косточек...

Рая как-то поделилась своими мыслями с мужем, но Олег отмахнулся: «Не придумывай, детка. Я знаю Левушку с юности, с первого курса. Нет в нем ничего такого... Ну а на вид да, он брутальный, «альфа», девушек это притягивает. Может, ты в него влюбилась?» «Нет. Он не в моем вкусе, – честно призналась Рая (с мужем они всегда были откровенны друг перед другом). – А ты заметил, что Ангелина всегда на него смотрит с каким-то ужасом?» «О, наша Ангелина – это вечный ребенок, чистая душа... – добродушно, с нежным удивлением произнес муж. – Она ничего не понимает в жизни, в людях!»

Рае не нравилось, что муж отзывается об Ангелине с восхищением. Но Рая не ревновала Олега к этой особе. Она знала, что для Олега дружба – это святое. И семья – тоже. Скорее, в восхищении Олега Ангелиной нечто отеческое, покровительственное, хотя разница в возрасте между ними и не особо значительная.

Никита, как замечала Рая, тоже никогда не ревновал Ангелину ко Льву и не относился всерьез к ужасу, с которым та глядела на Льва. Вероятно, Ангелина, эта вечная девочка, опасалась Льва – как стихийного бедствия, что ли. Избегала любого контакта с ним, боясь, как бы тот не сломал, не повредил ее хрупкую оболочку.

Ей, Ангелине, все было больно, все плохо. Маленькая недотрога. И как только она пережила роды... Помнится, это был долгий кошмар какой-то: с трудностями, проблемами, плохими прогнозами врачей. С экстренным кесаревым.

И именно тяжелые роды Ангелины не давали Рае думать совсем уж плохо об этой юной женщине. «Все проще, все гораздо проще, – подумала Рая, краем глаза наблюдая за Ангелиной. – Я завидую ей. У нее есть ребенок, а у меня – нет!»

Чтобы отвлечься, Рая уставилась в окно. Там, на улице, всю разбушевалась непогода. Летел снег, и одновременно лил дождь. Прохожие бежали мимо, прячась под зонтами, на их лицах, подсвеченных желтым светом фонарей, застыли гримасы недовольства и отчаяния.

– Раечка... – ласково позвал ее муж. – Что ты там увидела?

– Ужасная погода, – отвернулась от окна Рая. – Еще шампанского?

Официант, до того прятавшийся где-то там, в кустах неподалеку, выскочил и подлил ей в бокал шампанского.

– В Италии, наверно, тепло? – со вздохом спросила Ангелина Льва.

– Италия разная, ангел мой, – пожал плечами Лев. Он говорил и одновременно ел: официантка как раз принесла ему стейк. – В Неаполе тепло было, днем достаточно одного свитера, а в Милане сегодня утром плюс тринадцать. Ночью, я слышал, обещают ноль.

– Все равно в Италии лучше, – пробормотала Ангелина. – Ненавижу наш климат.

Рая, расправившись со своим стейком, отправилась в дамскую комнату. Там она застряла надолго: пока мыла руки, поправляла прическу, прошло довольно много времени. Мимо, к кабинкам, проплыла немолодая тучная дама, вся в бархате и люрексе, бросила на Раю неприязненный взгляд – его Рая поймала в зеркале.

Она привыкла к подобному. К тому, что люди относятся к ней по-разному. Одним она нравится, и некоторые находят ее даже похожей на певицу Эми Уайнхаус, безвременно ушедшую из жизни, а у других она почему-то вызывает ненависть. Беспричинную, с первого взгляда.

Рая пожала плечами и вышла из дамской комнаты. Она попала в узкий коридор. Одним концом он выходил в зал, другим – упирался в гардеробную. У гардеробной, наполовину скрытые пальмами, стояли Лев и Ангелина.

– ...похоже на тебя.

– Я знаю, детка, – Лев обернулся, увидел Раю, подмигнул ей. – Как насчет покурить, а?

– Нет, – коротко ответила Рая.

– И вот охота – выходить на улицу в такую погоду. Я вот замерзла, хоть и топят здесь, – зябко поежилась Ангелина, гардеробщик накинул ей на плечи короткую шубку из стриженной норки. Рая и Ангелина вернулись в зал. Через пять минут у стола появился Лев.

– Ну все, братцы, я такси вызвал. Прощаюсь со всеми. Еще на посошок!

Выпили, Лев начал прощаться. Обнял в числе прочих и Раю. От Льва сейчас разило крепким алкоголем и табаком, эти «ароматы» перебивали природный запах Льва. Рая с трудом удержалась, чтобы не поморщиться, целуясь с ним.

Потом Лев ушел, и они опять остались вчетвером.

– Дикарь, – с добродушной улыбкой произнес Никита. – Отказался от выгодного предложения!

– Ничего, еще передумает, – тоже с улыбкой произнес Олег. – Ну что, давайте переходить к сладкому? – и махнул рукой.

Свет в кабинете сразу стал приглушенным, всплыли вереницей официанты с бенгальскими огнями, впереди несли торт.

– С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя... – запели они.

И за столом песню подхватили – Олег, Ангелина и Рая, – обращаясь к Никите:

- С днем рожденья тебя, дорогой наш Никита!

Взрыв хлопушки, водопад конфетти. «Виновник торжества» принялся неуклюже резать торт.

- Раечка, еще шампанского?

- Да, не откажусь.

Официант сновал вокруг, подливая всем в бокалы.

- Нет-нет, мне сок...

Наконец угомонились, сели с торжественными лицами.

- Ангелиночка, скажи ты.

- Да, моя очередь теперь, - поднялась Ангелина с бокалом оранжевого сока в руках. Шубка соскочила с ее плеч вниз, на кресло, но она даже не обратила на это внимания. - Дорогой мой муж, любимый Никита. Ты знаешь, я обещала тебе подарок в конце вечера. И вот... пора. Время для главного подарка. - Она сделала паузу, тихо засмеялась, и от этого смеха у Раи мурашки по спине побежали. - Никита. Скоро ты второй раз станешь отцом.

Тишина, треск свечей, потом чье-то громкое дыхание... Затем крики, смех.

- Браво! - это Олег.

- Ура! Дорогая моя, золотая... - застонал Никита.

- Ура! - дребезжащим голосом подхватила Рая и почувствовала, что глаза защипало от слез. Она искренне радовалась беременности Ангелины, с одной стороны, с другой - почему-то вдруг тоска напала на нее.

- Какой подарок, какой роскошный, необыкновенный сюрприз! - стонал Никита, обнимая жену. - Чудо! Я мечтал об этом! Ах, не могу... Налейте. - К нему тут же

подскочил официант, наполнил бокал пенящимся напитком. – За такое грех не выпить. За тебя, ангел мой. За вас двоих.

Он выпил залпом бокал шампанского.

– А может, там не один, а двое, – сказал Олег.

– Олечка! – закричала Ангелина возмущенно. – Я и в первый раз еле разродилась, а с двумя...

– Шучу, шучу! – смутился Олег.

– Хоть и говорят, что беременность и роды – нормальный физиологический процесс, но... – Ангелина недоговорила, села. Никита заботливо набросил ей на плечи шубу. – Никита.

– Да, мое золотце?

– Вот зачем ты выпил? – с укором произнесла Ангелина. – Ты же за рулем. Как мы теперь поедem домой, а? Кто Олега с Рая до дома довезет?

– Ну не сдержался. Прости, – произнес тот виновато.

– Такси вызовем, что такого, – пожал плечами Олег.

– Это такси... – поморщился Никита. – Я обещал, я вас и довезу.

– Никита, может быть, закажем услугу «трезвый водитель», и... – осторожно начала Рая, но тот не дал ей договорить:

– Нет. От одного бокала ничего не будет, сами понимаете.

– Вдруг тебя остановят...

– Паспорт покажу, с датой. Что они, не люди, что ли? Должны понять. Я же не бутылку водки выпил и за руль сел, а всего лишь бокал шампанского.

- Ладно, ладно, не кипятись, - остановил его Олег.

- Это же невозможно - всего бояться, из-за любого пустяка переживать, - бубнил Никита. - Мы ж тут еще долго сидеть будем, вон, даже еще торт не попробовали. К тому времени как соберемся уходить, все уже выветрится.

- А вкусный торт, - заметила Рая, пробуя угощение.

- Очень вкусный! - подхватил Олег, облизывая ложку. - На настоящем сливочном масле, это не маргарин какой-то... Я вам как профессионал говорю, в продуктах разбираюсь.

- Да, похоже, не обманули, - согласился и Никита, тоже попробовав десерт. - Отличное качество.

О выпитом Никитой бокале шампанского все постарались забыть.

- А сколько уже? - вдруг с любопытством спросил Олег.

- Ты о чем? - повернулся к другу Никита. - А, понял. - Он обратился к жене: - Ангелиночка, какой срок? Мы же тут все свои...

- Пока очень маленький срок, - призналась Ангелина, пробуя торт. - Как мне моя гинеколог сказала, это еще совсем зернышко. Погоди... - Она достала из сумочки листок, протянула его Никите. - УЗИ сделали вчера. Видишь, во-от здесь эта точка...

- Вижу, - дрогнувшим голосом произнес Никита, держа снимок перед собой. Потом протянул его Олегу и Рае. - Вы тоже его видите?

- Почему его? - спросила Ангелина.

- Я надеюсь, что это будет мальчик. Сын. - Никита положил ладонь себе на грудь, слева - туда, где сердце.

- А если девочка? Я хочу еще девочку! - упрямо произнесла Ангелина.

– Вот Серафима-то обрадуется сестричке или братику! – заметил Олег.

– Ой, не знаю, действительно ли обрадуется... – вздохнула Ангелина. – Такой характер. Три года, а уже все прекрасно понимает и говорит четко, предложениями. «Р» произносит!

– Вундеркинд, а не ребенок! – восхищенно подтвердил Никита.

Рая слушала все эти разговоры и заставляла себя улыбаться. А внутри у нее все сжималось от тоски, наверное, еще и выпитый алкоголь усиливал чувства.

Она всегда хотела ребенка, и давно, в юности, представляя свою будущую жизнь, не мыслила ее без детей. Была твердо уверена, что когда-нибудь они с Олегом станут родителями. Тем более что оба они были здоровы.

Почему же так получилось, что два человека, связанных узами брака, здоровых, любящих друг друга и, главное, детей, мечтающих о них, до сих пор оставались бездетными?

Рая сама себе не могла ответить на этот вопрос. Наверное, проблема в том, что они с Олегом были знакомы с детства, росли в одном дворе, потом ходили в одну школу. Они не знали других отношений, других людей. Первые и единственные друг у друга.

Начав свои отношения всерьез, когда им было по шестнадцать, они оба панически боялись, что Рая забеременеет. Особенно после того случая, когда у Раи однажды случилась задержка. Испуганные, сами почти дети еще, вдруг представили, что тогда произойдет, какие будут последствия. А как же школа, а как же мечты о высшем образовании... Что скажет мама Раи, что скажет мама Олега, Любовь Петровна? Да это кошмар, конец всему, никакого будущего, одни пеленки и бессонные ночи, в ближайшие годы! К счастью, опасения не подтвердились, тревога оказалась ложной. Но с тех пор Рая и Олег предохранялись всеми возможными способами, доходя в своей осторожности порой до абсурда. Страх и страсть с самого начала переплелись в их жизни воедино. Они привыкли постоянно думать о предохранении, чтобы без проблем отдаваться страсти.

После школы они поступили в разные институты. Олега интересовала экономика, Рая мечтала о карьере переводчика. Пока учились, часто встречались и тоже осторожничали. Остаться без образования, усложнить себе жизнь обоим не хотелось.

Завершив образование, Олег и Рая не сразу нашли себя, свое место. Оба долго искали подходящие варианты, где они смогли бы применить свои знания... Ну какие тут дети! Потом оказалось, что надо делать карьеру, чтобы более-менее прилично зарабатывать, ведь дети – это лишняя статья расходов, не так ли? Разумные люди сначала создают себе стартовую площадку и лишь потом всерьез думают о потомстве.

Тут оказалось, что Рае не совсем комфортно работать с людьми, переводить на разных встречах и совещаниях. Она легко и красиво могла передать смысл сказанного – от одной стороны – другой, ее переводы всегда являлись образцом логики и точности, но люди... С людьми Рая испытывала всегда проблемы. Она – не мизантроп, нет, к окружающим Рая не испытывала никакой недоброжелательности, но она определенно интроверт, как показала жизнь.

Наконец она нашла более-менее приемлемый для себя вариант: стала переводить книги. Труд не самый высокооплачиваемый, но зато не надо сидеть в офисе, терпеть начальство и коллег. Все вопросы решались по электронной почте, не тратились деньги и время на дорогу... А график можно выбрать себе любой: хоть днем переводить, хоть ночью, и выходные тоже можно себе назначить. Многих людей столь свободные условия не устраивали, не все могли держать себя в жестких рамках и постоянно нарушали дедлайн. Балансировали в двух направлениях: «Куда спешить, время еще есть» и «А-а, опять аврал, не есть, не спать, срочно все надо сделать!» Рая же, как показала жизнь, сама себя могла прекрасно организовать.

Подобный вариант занятости, позволяющий к тому же работать дома, был бы идеален для молодой мамочки. Сиди себе с ребеночком, а в свободные промежутки, когда тот спит, например, переводить, и из дома выходить не надо.

Рая тогда в первый раз всерьез заговорила на тему детей с мужем. Олег отнесся к ее желаниям очень серьезно. Он сам, как признался, тоже считал, что уже пора. Но... Но у него, оказывается, возникла возможность открыть свой магазин (продуктовый). То есть самому стать хозяином своей судьбы. И бизнес нынче – дело рискованное. Да, продуктовые магазины в городе всегда востребованы, а

аренда помещения, а наемные работники, налоги... Конкуренция! Попробуй, посоревнуйся с огромными торговыми сетями, захватившими все пространство вокруг. В любой момент можно прогореть и остаться еще с долгами.

Рая с мужем согласилась: да, надо еще немножко подождать. Неразумно рисковать в подобной ситуации, кто знает, может, самим завтра есть будет нечего, а тут ребенок...

С магазином дело пошло, потом Олег задумал открыть целую сеть магазинов, но один бы он это не осилил и взял себе в компаньоны своего лучшего друга Никиту.

Пока общее дело строилось-налаживалось, тоже время шло. Никита женился, родилась Серафима, а желание стать матерью становилось у Раи все сильнее и сильнее. Наверное, уже даже превращалось в манию.

Тогда почему Рая мучилась, но никак не пыталась воплотить свои желания в жизнь? Почему терпела? Наверное, потому же, почему многие вокруг терпят то, чего нельзя терпеть. Годы существуют в тяжелых условиях, не меняя их. Терпят неверного либо пьющего супруга, злого начальника, неудобную квартиру. Слово не замечают уже начинающуюся болезнь и потому не спешат к врачу. Рая не стремилась изменить что-либо, потому что терпение вошло у нее в привычку. Да и у Олега точно так же, судя по всему, ведь муж – ее идеальная, зеркальная половинка. Много любви, но и много страхов тоже...

А Рая последние годы буквально бредила детьми. Ах, какая хорошенькая девочка росла у Ангелины и Никиты! Чудо, куколка, умница. Радость в чистом виде. Причем, что интересно, Никита оказался прекрасным отцом: он возился с дочерью все свободное время, говорил с ней непрерывно, не ленился ей отвечать на первые, пусть и наивные еще вопросы. Никита часто брал дочь с собой на работу, и это не было ему в тягость. Он говорил, что дает отдохнуть жене. Домохозяйка – это тоже труд, причем нелегкий. А маленькая Серафима вела себя на людях спокойно. Ее обожали все: и работники магазинов, куда с инспекцией являлся Никита, и поставщики, и налоговые службы, и многочисленные проверяющие...

Олег тоже обожал дочку друга. Считал ее необыкновенным ребенком, открывающим сердца у всех окружающих. Однажды даже признался Рае, что

боится, а вдруг их ребенок окажется не столь милым. Глупости, бред, конечно, опасаться, что собственное дитя проиграет чужому, но... А кому, как не супругам, признаваться друг другу даже в самых нелепых своих страхах?..

Но Рая неожиданно поняла мужа. У белокурой кудрявой Ангелины, словно сошедшей с рождественской открытки, – белокурая хорошенькая девочка. А кто родится в паре темноволосого Олега и темноволосой, длинноносой и очень специфической внешне Раи? А уж кому-кому, но Рае было известно, каково это: быть непохожей на всех, странной внешне. И это не про уродство или некрасоту, вовсе нет, это про слишком яркую, необычную внешность. Каковую очень даже тяжело носить ее обладательнице. Под такую внешность и характер нужен особый! Все детство и юность дразнили «вороной»... Вот Рая и превратилась в осторожную трусиху, напрягающуюся от внимания извне, – всю свою юность промучилась, лишь недавно научилась подавать себя. И наконец перестала обращать внимание на то, что скажут или как посмотрят окружающие.

... Торт доели, сидели сытые и расслабившиеся. Никита рассчитался за вечер, оставил щедрые чаевые официанту.

Что ж, братцы, пора.

– Пора, – слабым голосом согласилась Ангелина. – И зачем я столько съела... теперь мутит.

– Тебе плохо, детка? Может быть, еще посидим, закажем чего-нибудь? – встревожился Никита.

– Ай, перестань, скорее бы домой, – плаксиво отмахнулась та. – Сливочный крем, сливочный крем ваш... Проводи меня в туалет.

– Да, детка, конечно...

Ангелина с Никитой ушли, Рая осталась наедине с мужем. И она сказала, глядя прямо в глаза мужу:

– Вот теперь уже точно пора.

– Да, поздно уже...

– Я не об этом. Я хочу ребенка.

Олег помолчал, не отводя глаз, а потом тихо ответил, взяв жену за руку:

– И я хочу. Давай сделаем это. Давай станем родителями. И плевать на все, на налоговую, кризис, санкции, трудности с поставщиками, бестолковых продавцов и магазинных воришек... Мы же не ради них живем, а ради себя. Пора. Ты бесконечно права: нам пора.

Рая улыбнулась ему:

– Я люблю тебя. Ты даже не представляешь, как я люблю тебя.

– И я тебя люблю. Всю жизнь, одну тебя. С самого детства, как вышел во двор и увидел тебя играющей в песочнице. Такая серьезная девочка была, из-под панамки один нос торчал, помню.

– А ты – карапуз с хохолком. Встал напротив, насупился. И смотрел, и молчал...

– Я влюбился в тебя с первого взгляда. И на всю жизнь. Ты у меня первая и единственная, я могу поклясться.

– Верю. Не надо. – Рая засмеялась и провела ладонью по его щеке.

Тут появились Ангелина с Никитой. Рая с Олегом выбрались из-за стола; все оделись и один за другим вышли на крыльцо.

Погода к этому моменту совсем не улучшилась. Даже наоборот: дождь со снегом превратился в ледяной колючий ливень. И холод – как зимой. Часы с подсветкой, что на доме напротив, показывали половину первого ночи.

Рая в своем легком плащике, едва сделав пару шагов, начала задыхаться от холода.

Никита крикнул:

- Стойте здесь, под навесом, я сейчас подъеду.

Машина Никиты через пару минут уже стояла напротив. Олег помог сесть Рае и Ангелине, затем сам сел впереди, рядом с водителем.

Рая с трудом пристегнулась замерзшими, негнущимися пальцами. «О чем я думала, когда одевалась, словно сейчас май? Даже перчаток не взяла!»

Никита тронул машину с места. «Дворники» упрямо счищали ледяную корку с лобового стекла.

- Только тихонько, на цыпочках... - пробормотал Олег.

- Да, знаю, - вздохнул Никита.

Машина не ехала, а буквально кралась. С черепашьей скоростью добрались до перекрестка, остановились на светофоре. У Раи в сумочке зазвонил телефон. Не глядя, достала его, прижала к уху:

- Алло.

- Раечка... Раечка, где же вы?

- Любовь Петровна звонит, - прикрыв микрофон, сказала Рая мужу.

- Что-то срочное? - обернулся обеспокоенно Олег.

- Любовь Петровна, у вас все в порядке? - спросила Рая.

- Да, но я Олегу не могу дозвониться...

- Дать ему трубку?

– Нет, нет, пусть он сам мне позвонит, завтра утром, – сказала свекровь. – Сейчас-то уже поздно... Я ему весь вечер звонила, а у него не отвечает.

– Наверное, звук отключил, – сказала Рая, глядя на Олега. – У Никиты сегодня день рождения. Сидели в ресторане, отмечали. Вчетвером. Вернее, впятером, Лев еще к нам подъезжал, ненадолго.

– День рождения? Да? Ой, забыла... Передай Никите от меня поздравления и пожелания любви и счастья. Ему очень, очень повезло, что он нашел себе такую чудесную жену, и доченька у них славная...

– Да, Любовь Петровна, обязательно передам, – терпеливо ответила Рая.

– У тебя-то как дела? – спохватилась свекровь.

– У меня все отлично, сдала книгу на прошлой неделе, сегодня утром сообщили, что это самый лучший перевод за последние двадцать лет...

– Ты умничка, Раечка, просто умничка! – истово воскликнула та. – Ну все, не буду отвлекать, пока.

– Пока! – Рая спрятала телефон, сказала Олегу: – Позвони завтра своей маме. – Потом обратилась к затылку впереди сидящего водителя: – Никита! Любовь Петровна тебя поздравляет и передает привет тебе, Ангелине и Серафиме.

Ангелина ничего не ответила, свернувшись калачиком рядом, а Никита, напряженно глядя на дорогу, произнес рассеянно:

– Да, спасибо.

Олег так и сидел, обернувшись назад, лицом к Рае. И у него было при этом какое-то странное, особенное лицо. Вдохновенное? Словно только что он открыл некую грандиозную истину и теперь пытается ее осмыслить.

«Значит, ты чувствуешь то же самое? – подумала Рая. – Как все просто, оказывается. Надо только решиться».

«Ты права, – чуть улыбнувшись, кивнул Олег. – Мы все делаем правильно».

«Я люблю тебя».

«Я люблю тебя», – ответил взглядом Олег и отвернулся, стал глядеть вперед.

Рая опять вспомнила тот день, когда впервые увидела Олега еще совсем мальчишкой. Какой тот был смешной и серьезный. Потом вспомнила, как они переглядывались – уже в школе, на переменах. Как танцевали на школьной дискотеке в шестом классе и целовались в седьмом. Как в девятом, оставшись дома одни, стали близки впервые. И дальше только бесконечная любовь, ненасытная и страстная. В последнее время любви стало чуть меньше, конечно, но ее поток и не думал иссякать.

«Любовь Петровна, наверное, обрадуется, – подумала Рая. – Она деликатный человек, никогда не теребила меня – когда внуки, когда внуки, но уверена – она обрадуется. Она мне как мама. Она – наша мама!»

Никита ехал медленно, очень осторожно. Судя по всему, дорога была скользкой. Рая вспомнила свою маму, ушедшую из жизни десять лет назад, внезапно и нелепо.

Мама являлась заядлой дачницей, все выходные и отпуск проводила за городом. Сажала овощи, фрукты, ягоды, потом делала из своего урожая заготовки, щедро раздавала их потом всем. Еще любила ходить в лес по грибы.

Однажды ушла и не вернулась. Телефон разрядился, как назло. Нашли ее спустя три дня, уже мертвую. Упала в какую-то яму, сломала ногу, выбраться не смогла.

Кошмарный сон какой-то. Молодая еще, полная сил женщина – и такая нелепая случайность. Рая долго не могла в себя прийти после смерти матери, плакала все время. И еще у нее в голове не укладывалось: как можно было умереть за три дня? Неужели человеческий организм настолько хрупок?

Если бы не та случайность, мама была бы до сих пор жива и сейчас, наверное, порадовалась бы решению Раи и Олега. Вот мама точно хотела внуков, надеялась в них увидеть свое продолжение.

Любовь Петровна – ровесница маме, но они такие разные. Открытая несдержанная мама и тихая, всегда вежливая свекровь. Рая знала, что Любовь Петровна не сразу приняла ее, всегда смотрела с сомнением, именно что терпела. Но потом, со временем, расслабилась, выдохнула, стала считать Раю своей.

Рая закрыла глаза. Шампанское еще бродило в крови, будоражило, но одновременно Раю и в сон клонило. Потом машина свернула, ускорила. А потом случилось нечто странное, в первые доли секунды Рая даже решила, что это ей сон снится – машина как будто подпрыгнула и полетела. Потом ударилась – тряхнуло настолько сильно, что чуть шея у Раи не сломалась, и вновь – стремительный и короткий полет, ощущение невесомости.

Затем грохот. Рая так и не успела открыть глаза. Лежала на сиденье и чувствовала привкус крови во рту.

Какой-то оглушительный свист в ушах, словно где-то рядом стремительно раскручивался металлический трос. Потом скрежет. А затем через свист и скрежет начали прорываться крики и голоса.

– Олег, – не слыша собственного голоса, крикнула Рая. Большинство людей в сложной ситуации произносят иное. Зовут маму, невольно. В крови это уже – шептать «мама», даже если мамы давно нет и у самого, или самой, седина на висках. Вечное слово, вечный призыв. Но Рая, при всей своей неиссякающей любви к маме, столь безвременно ушедшей, привыкла в любой ситуации звать Олега. Ведь он всегда был рядом с ней, он являлся частью ее.

Все тело у Раи болело. Свист и скрежет в ушах, правда, начали затихать, но не сразу, постепенно. Она открыла глаза и не поняла. Где, что, как... Какие-то движущиеся в разные стороны пятна. Она застонала. Потом все затихло, и наступила ночь.

...Яркий свет.

Чей-то голос. Громкий. Что говорит? Рая поморщилась от света, слепящего глаза, попыталась сосредоточиться. У нее было странное ощущение – словно она распалась на миллион молекул и теперь заново пытается собрать себя воедино. Больно и неприятно. И смысл, главное? Хотя, нет – надо, надо, надо...

- Вы меня слышите?

Наконец Рая, сделав над собой нечеловеческое усилие, сосредоточилась и заставила себя вникнуть в окружающие ее звуки. Эти звуки оказались человеческим голосом. И голос ее спрашивал. Значит, надо было ответить. Но как?

- Я. Вас. Слышу, - с трудом ответила Рая.

- Как вас зовут?

- Рая-а-а... Раи-иса-а.

- Чудесное имя. Сколько пальцев я показываю?

- Два.

- Отлично. Здесь болит? А здесь? Я сейчас поверну - больно?

Рая прислушалась и к ощущениям в теле. В сущности, у нее болело все, словно только что ее перемолола огромная мясорубка. Но, с другой стороны, боль эта не была острой и мучительной, она не была той болью, от которой хотелось визжать и кричать. Нет.

- Не очень, - честно ответила она. - Терпимо.

- Помните, что произошло?

- Я не поняла. Но кажется, это была авария, - Рая вдруг осознала, что окончательно пришла в себя. Увидела серьезное молодое лицо доктора перед собой, белый кафель на стенах. Опустила голову вниз: одежда рваная, грязная, сквозь прорехи видно ссадины. Сапожки - новые, купленные недавно, замшевые, чудесного светло-серого цвета - все заляпаны грязью. И... кровью?

- Чувствуете свое тело? Попробуйте пошевелить руками и ногами.

Рая пошевелилась. Посмотрела на свои руки: тоже грязные, в крови и ссадинах. Пара ногтей сломаны, но это такая ерунда... Она жива, слышит, видит и владеет своим телом!

- Попробуйте сесть. Так, не торопитесь, осторожно. Голова кружится?

- Нет. Да. Ну так, немного. - Рая села, почувствовала под ногами пол.

- Не вставайте пока. Сейчас медсестра привезет кресло-каталку. Отправим вас в палату, понаблюдаем. А так все неплохо. Ушибы, ссадины... Возможно, небольшое сотрясение мозга, но и только. Вам повезло. Тут, наверное, больно? - Он провел Рае пальцем наискосок по телу.

- Да-а... А что это?

- Ремень безопасности впечатался. Спас вас.

- А где Олег? Мой муж?

- Этого не могу вам сказать. Всех пострадавших развезли по разным больницам. Всем помогают, не беспокойтесь. Сейчас постарайтесь отдохнуть.

Наверное, в другой ситуации Рая не смогла бы успокоиться. Стала бы требовать и просить, но... сил пока не было. Некое ощущение безнадежности и смирения. Кто она, чтобы действовать, всего лишь маленькая щепочка, плывущая по течению реки.

Раю на кресле отвезли в палату, помогли лечь. Она сразу же заснула.

Открыла глаза утром. От чужих прикосновений. Вокруг стояли люди в белых халатах.

- Как, Раечка? - добродушно спросил ее вчерашний доктор. - Как себя чувствуете?

- Ничего так, - пробормотала Рая и вдруг почувствовала, что вновь оказалась в этой реальности. - А мой муж?

- Раечка, мы не в курсе. Хотите позвонить ему? Родным?

- Я не помню номер... Я ничьих номеров не помню, кроме своего, - призналась она. - А телефон мой где? В сумочке, сумочка там, в машине... Господи, что же делать?

- Ничего, не волнуйтесь, скоро разберемся. Давайте еще раз вас осмотрим.

Раю вертели в разные стороны, щупали, мяли, заставляли отвечать на вопросы.

- Да вы везучая... Помните, вчера рентген делали? Ни одного перелома. Даже кости нигде не треснули. Небольшое сотрясение мозга, но это пустяки.

- Тогда выпишите меня. Немедленно. Смысл тут лежать, - с недоумением и тревогой произнесла Рая. Чем дальше, тем сильнее она начинала беспокоиться о муже.

- Но не все последствия выявляются сразу. Надо понаблюдать.

- Выпишите! - взмолилась Рая. - Под мою ответственность. Вы же сами видите, со мной все в порядке, я нормальный человек, если что почувствую, сразу обращусь в больницу...

- Послушайте, Раечка...

- Нет! Выпишите меня! - твердо, непреклонно произнесла она. - Я должна найти своего мужа.

...Ее выписали. Ни телефона, ни денег. К счастью, лежали ключи от дома в кармане плаща. Рая пошла домой пешком: оказалось, минут сорок идти до дома.

Морщась, она двигалась быстрым, решительным шагом. Сбоку светило солнце, пригревало щеку. Прохожие поглядывали на Раю с удивлением и страхом. Ну да, жутковатое зрелище, наверное...

Дома она залезла под душ, отмылась от грязи. Ссадины слегка щипало, синяки на всем теле, один здоровый, на бедре. И наискось по туловищу – багровая полоса – след от ремня безопасности. Но Раю эти мелочи совершенно не волновали. Жива и ладно.

Главное теперь – найти мужа. «Господи, Господи, сделай так, чтобы Олег был жив!» – непрерывно гоняла она в голове одну и ту же мысль. Когда вылезла из ванны и вытиралась полотенцем, то увидела бритву Олега на полочке, пенку для бритья, еще какие-то его флакончики... Самые обычные, привычные предметы быта, на которые она раньше даже внимания не обращала. А теперь, глядя на вещи Олега, внезапно заплакала – обреченно и неудержимо.

* * *

За несколько секунд до случившегося у Олега возникло странное состояние. Он словно стал ощущать время. Время – текучее, но твердое, прозрачное нечто. Река из стекла, которую нельзя повернуть вспять. Время движется в пространстве по каким-то своим законам, но, оказывается, его иногда, вот как сейчас, можно заметить, ощутить. По каким-то мельчайшим приметам угадать: да вот же оно! Вон, вон, впереди!

А впереди, по блестящей, словно лаковой, ледяной дороге, мерцающей в свете фонарей глубоким черным цветом, двигался автомобиль. Его стал обгонять другой автомобиль, и... они – раз! – столкнулись. Олег все это видел своими глазами, словно в замедленной съемке. Хотел крикнуть Никите, чтобы тот притормозил, но, верно, у Никиты время-то как раз шло по прежним правилам. Никита этих всех знаков, мельчайших примет – не замечал.

Впрочем, в последний момент Никита все-таки понял, что что-то не так, и крутанул руль. Автомобиль занесло на скользкой дороге, развернуло, он впечатался в отбойник и перевернулся в воздухе. Затем еще раз. Автомобиль перевернулся дважды, прежде чем вновь шлепнулся на асфальт.

Олег все это прекрасно заметил и полет в воздухе с переворотами он тоже ощутил в полной мере.

Затем вот этот удар.

Тишина. Олег осторожно выдохнул и повернул голову. И увидел, что Никита лежит на руле, под ним – разорванная, сдувшаяся подушка безопасности. Лицом Никита – к Олегу. И лицо у Никиты – бледное, спокойное. Словно друг мирно заснул. Единственное, что мешало восприятию этой картинки – это то, что голова, вернее, шея у него была как-то странно повернута. Уж слишком как-то. И это спокойное, отрешенное лицо... То, что его лучший друг мертв, Олег понял сразу.

Не без труда дрожавшими руками Олег отстегнул ремень безопасности. Выдохнул. Потом попытался открыть дверь. Сбоку уже бежали люди. Тоже принялись открывать, буквально отрывать дверь – и у них это получилось. Олег буквально выпал им на руки. Люди помогли ему выбраться из машины. Отвели в сторону. Некоторое время Олег стоял, прислонившись к погнутому отбойнику, пытался осознать произошедшее. Да как же так, что же произошло...

Потом ринулся к машине. Как там Никита? Вдруг показалось и друг еще жив. А Ангелина?! Она же ждет ребенка, бедняжка! И Рая. Что там с Раей?

– Не надо, не надо, не трогайте... Давайтеждемся «Скорой»! Нельзя передвигать людей самими... Вдруг только хуже сделаем.

Рая сидела там, дальше. А Ангелина была ближе. Олег подошел к машине, под его ногами хрустело стекло. Наклонился к пустому окну:

– Ты как, детка?

Ангелина зашевелилась там, в покоруженном салоне, подняла к Олегу бледное лицо.

– Олежек... – прошептала она. – Что это было сейчас?

Даже в этот нелегкий момент она выглядела словно ангел, сошедший с небес. Прелестное, неземное создание. Эти белые кудри, эти ресницы. Обычные женщины не бывают такими красивыми.

– Ты жива, – с нежностью произнес Олег.

– Мне страшно, – тающим, нежным голосом прошептала Ангелина. – Как там мой муж, Олежек? Что с ним?

– Ничего, с ним все в порядке, – солгал Олег. – Но лучше помолчи, не говори, вдруг тебе нельзя говорить.

Он чуть наклонился, пытаясь разглядеть жену, сидевшую с другой стороны. Тем боком машина упиралась в развороченный отбойник, просто так не продерешься сразу.

Рая сидела согнувшись. Был виден ее профиль – четкий, с выдающимся «фирменным» носом. Пряди длинных темных волос свисали вниз. Рая застонала, откинулась назад. Значит, жива. Уф.

Звук сирены, мигающие огни. Подъехала одна «Скорая», потом другая. И еще несколько. Ах, ну да, там же, впереди, дальше – еще две разбитые машины.

Ангелину осторожно вытащили, положили на каталку.

– Она в положении, – поспешно сообщил Олег медикам. – Она ждет ребенка!

– Вы муж?

– Ну-у...

Тем временем вытащили и Раю. Она была жива, только без сознания.

– Видимых повреждений нет... так, а с этим пассажиром что?

Олег уже знал, что Никиту вытащили, положили на асфальт, прикрыли. Олег понял, что за Никитой (ох, нет, теперь надо говорить: за телом Никиты) должна приехать какая-то другая машина.

– Так, муж, едем?

– А, что?.. – Олег вдруг понял, что ему сейчас предлагают поехать вместе с Ангелиной. И правда, с кем ему сейчас, в какую машину садиться? Рая жива, но что с ней – пока неизвестно. А Ангелина... Бедная, бедная. В положении, муж погиб. Слишком хрупкая. Слишком нежная, чтобы вот просто так пережить все это. А вдруг она потеряет ребенка? Нет, Рая – жена, с ней надо бы Олегу ехать. Но Рая сильная и не такая чувствительная. Если с ней все в порядке, то Олег сейчас ей не нужен. Если с ней все плохо, то Олег ей особо и не поможет сейчас – тут уж врачи распоряжаются.

Ехать надо с Ангелиной.

Каталку с Ангелиной затолкали в «Скорую», Олег залез следом, пристроился рядом, на кресле.

Хлопнула дверь, машина тронулась с места.

Ангелина лежала на носилках и со слабой, растерянной улыбкой смотрела на Олега.

– Дай мне руку, – попросила она.

Олег немедленно протянул ей руку. Он ощутил в своей ладони хрупкие, тонкие пальчики Ангелины. И едва не разрыдался от жалости к ней. О Никите он старался не думать, там все ясно, скорбь по другу можно пока отодвинуть. Надо в эти минуты думать о живых. Потому что теперь кто позаботится об этой юной женщине и о ее дочери. И о матери Никиты тоже. Груз ответственности буквально придавил Олега, но он не позволил себе согнуться. Он мужик. Кто, если не он?

Ехали довольно долго. Трясло, Ангелина едва слышно постанывала временами, и от этих стонов у Олега сжималось сердце. Потом приехали, сразу в приемный покой. Ангелину куда-то повезли, он остался ждать.

Ждал долго.

Наконец вышел врач, сел рядом с Олегом.

- Ну как? - с трудом произнес Олег.

Видно, у него в лице было что-то такое, отчего врач засмеялся и похлопал его по плечу:

- Жива. Здорова. Все в порядке. И с ребеночком, надеюсь, все будет хорошо. Состояние стабильное, угрозы выкидыша нет. Небольшой порез на ноге, зашили. Все хорошо, папочка.

И тут Олег не выдержал. Он уже не помнил, когда плакал в последний раз. А хотя помнил: три года назад, когда Ангелина рожала Серафиму. И вот сейчас Олег опять взял да и разрыдался.

- Ничего-ничего... Вон халат накиньте и идите к своей милой женушке, я разрешаю.

- Спасибо, доктор. Спасибо. Вы... вы не представляете... это просто чудо...

- При жене только не ревите, ни к чему ей волноваться, - добродушно произнес доктор.

- Да-да, конечно.

Олег усилием воли заставил себя успокоиться. Накинул на плечи халат и отправился к Ангелине в палату.

...Она лежала там одна, две другие кровати - свободные. Лежала и смотрела блестящими, серьезными глазами.

Олег придвинул стул, сел рядом. Взял опять ее за руку. Молчал и смотрел на Ангелину - долго-долго. Словно не мог насмотреться.

- С тобой и с ребеночком все будет хорошо.

Ангелина страдальчески поморщилась.

- Болит что-нибудь? - встревожился Олег.

- Нет. Но это ужасно. Я так и не поняла, что произошло.

- Авария. Дорога была очень скользкой.

- Ты-то в порядке? - вдруг спросила она и слегка пожала его руку.

- Да что со мной будет...

- У тебя ссадина на щеке, - ласково произнесла Ангелина. - Спасибо тебе, милый.

Каким голосом она это произнесла... Олег не выдержал и принялся покрывать поцелуями ее руку.

- Тише, тише... - прошептала она. - Как Никита? Что с ним? Ты в курсе?

- Все в порядке. Отвезли в другую больницу, - совершенно естественным голосом произнес Олег. - Вроде чего-то сломал, ногу или руку, но не серьезно. Ты знаешь... Я тут им наврал, что я твой муж. Ну, а что делать, иначе бы меня к тебе не пустили!

- Ну и правильно, - слабо улыбнулась Ангелина. - Интересно, как там Лев до аэропорта доехал. По такой-то скользкой дороге... Позвони ему, узнай.

- Сейчас... - Олег спохватился, достал телефон из кармана. С телефоном ничего не случилось, он работал. Только экран треснул. - Звонить не надо. Вот... пишут, что сейчас он в сети. Значит, жив-здоров. Думаю, только что приземлился в Питере.

- Везунчик... Я посплю?

Олег просидел рядом с ней до утра, потом его выгнала медсестра - скоро обход.

– Молодой человек, после одиннадцати приходите, заодно и доктор у себя будет, у него с одиннадцати до двенадцати приемные часы!

– Иди, иди уже, – сонным голосом произнесла Ангелина. Она выглядела измученной, но на щеках алел румянец.

– Скоро вернусь, ангел мой, – Олег наклонился, поцеловал ее в лоб.

Он спустился по лестнице вниз, в большой холл с отгороженным окошком регистратуры.

Посетителей никого. Олег сел на диван, достал из кармана телефон. И задумался. Что делать, кому звонить? И надо искать Раю, наверное...

«Мама. Ох, а что, если с Раей плох, и стали звонить маме? У нее же сердце пошаливает... а если я ей сейчас позвоню, то разбужу ее, она запаникует...»

Олег промаялся до восьми часов утра: обычно мама вставала именно в это время; наконец набрал номер матери.

– Олежек? – отозвалась мать. – Ты чего так рано? Ну, молодец. Знаешь, у меня обогреватель, ну вот тот, что ты мне на Новый год подарил, кажется, начал барахлить. Я его включаю, а он еле-еле греется! Я тебе еще вчера хотела сказать, но забыла, что вы с Никитой празднуете.

– Мам, мам, со мной все хорошо.

– Да? Что-то случилось? – забеспокоилась мать.

– Попали в аварию. Со мной все в порядке, – с нажимом произнес Олег.

– В аварию?! – сдавленным голосом закричала мать. – Олежек, ты жив?!!

Олег истерично засмеялся.

– Ты ранен? Скажи, только честно!

– Мам, меня даже в больницу не стали класть. Я не только жив, но и не пострадал вообще никак.

– Ты меня сам хочешь убить... сыночка...

– Мам, послушай, я тебе специально звоню, чтобы ты не беспокоилась. Со мной абсолютно все в порядке.

Пауза. Тяжелое, надсадное дыхание матери. Олег уже стал переживать, что позвонил ей, но, с другой стороны, что было бы, если бы матери рассказал об аварии кто-то посторонний?..

– Машину разбил? – наконец грозным, но более-менее спокойным голосом спросила мать. – И даже не думай переживать! Машина – это железо, плевать на нее...

– Мам, машина не моя, а Никиты. Он за рулем был.

Опять пауза, но на этот раз без хрипов и сипенья: просто тишина.

– Бедный Никита, – скорбно, с чувством произнесла мать. – Ну, а он-то как?

– Вот с ним как раз все плохо. Хуже уже нет.

– Жив?

– Нет, мам.

– Погоди, погоди, а кто еще в машине с вами находился? Раечка?

– Рая и Ангелина. Они... они живы, и, в общем, за них можно не беспокоиться. Я сейчас у Ангелины, в больнице. В гинекологии. Она ведь еще ребеночка ждет... Ты представляешь ее состояние: она ждет ребенка, а муж только что погиб. Ну конечно, я не мог ее оставить.

– Согласна! Ты все сделал правильно! – торопливо согласилась мать. – Это все кошмар какой-то. Бедная девочка... Ей нужна помощь!

– Короче, мам, ты мне звони, если что, я на связи. И на всякий случай запиши адрес той больницы, где я с Ангелиной сейчас.

Олег продиктовал матери адрес, попрощался и нажал на «отбой». Вышел на улицу, покрутился возле входа, затем сел на скамейку. Откинулся назад, закрыл глаза.

* * *

Рая быстро оделась, волосы даже расчесывать не стала: слишком долго и хлопотно приводить в порядок эту сложную вечернюю конструкцию на голове, вызвала по городскому телефону такси. Спустилась вниз; такси подъехало к подъезду через пару минут.

Еще через десять минут Рая уже стояла перед дверью в квартиру свекрови, Любви Петровны.

«А вдруг ей уже позвонили... из больницы... И она что-то знает об Олеге? А вдруг ей сказали...» – Рая задрожала и с силой нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась. Любовь Петровна стояла в проеме: невысокая, кругленькая, в очках, с этой старомодной прической – гладкое каре до плеч, волосы светлорусого цвета, платье в горошек – как есть почтенная фрау из журнала «Бурда», который в свое время обожала мама Раи.

Любовь Петровна сейчас показалась Рае такой милой, такой знакомой, такой... родной, что Рая едва сдержалась, чтобы не разрыдаться.

Просто шагнула вперед и обняла свекровь. Они и есть родные, две женщины, которых связывает один самый любимый мужчина – Олег...

Как всегда, от Любви Петровны пахло стиральным порошком.

– Раечка... ой-ой, задушишь! Погоди, – Любовь Петровна отстранила Раю, взгляделась в ее лицо. Потом осмотрела всю. Провела ладонью по взъерошенным, торчащим в разные стороны волосам. – Ну ничего. Все как обычно. Все в порядке с тобой, девочка моя. Проходи.

– Любовь Петровна... – ступая за свекровью в прихожую, с отчаянием начала Рая. – Вы еще не в курсе? Только не волнуйтесь, я вас умоляю... Я с вами, я всегда буду с вами, вы мне как мама...

– Ты про аварию? Да, я в курсе, – печально ответила свекровь. – Бедный Никита. Такая трагедия.

– Погодите... Так вы все знаете? – ахнула Рая, прижала ладони к груди. – А что с Олегом, с Олегом-то что?

– Ничего. С Олежекком все в порядке. Разве ты не знаешь? – удивилась Любовь Петровна. – Что ты хочешь, Раечка, чай, кофе?

– Погодите. С Олегом все в порядке? – еще не веря, переспросила Рая.

– Да. Он мне звонил этим утром. Говорит, ни царапинки. А вот Никите не повезло, – свекровь сняла очки, принялась осторожно промокать глаза платком.

Рая в эти минуты могла думать только об Олеге. Остальной мир ее совершенно не интересовал. Она плюхнулась на стул, вцепилась в свои свалявшиеся волосы, засмеялась. «Жив. Он жив!» Любовь Петровна еще о чем-то ее спрашивала, но Рая ничего не слышала и ничего не понимала, отдавшись одной безудержной радости – он жив. Ее муж – жив.

Лишь через несколько минут Рая наконец смогла справиться со своими эмоциями. И настало время грусти.

– Погодите, – пробормотала она и подняла голову. – Никита – что с ним?

– Нет больше нашего Никитушки...

– Да-а?!

– Да. Бедный, бедный. Я ж его с института знаю, с первого курса. С семнадцати лет они с Олежеком дружили неразлейвода, – скорбно покачала головой Любовь Петровна. – С мамой его, Ниночкой, мы в прекрасных отношениях, часто перезваниваемся. Ну как подруги мы с ней, да... Не могу представить, что с ней сейчас. Раечка, ты зайди к ней, к Нине Филипповне, я не могу, у меня сердце, я, боюсь, не выдержу.

– Зайду, – кивнула Рая. – У меня телефона сейчас нет. Разбился или где-то там... Не важно. Зайду, куплю новый, номер восстановлю. Это сейчас не проблема. Вот поэтому я не могла связаться с Олегом. А он где сейчас? Как мне его найти?

– Олежек сейчас в больнице, с Ангелиночкой. Не знаю, что там с ней, но вроде она не при смерти, и то хорошо. Такое горе у бедной девочки... я уже в курсе – она в положении. А тут... – Любовь Петровна опять принялась промокать глаза платком. – Вот... это адрес. Олежек продиктовал.

– Я поеду, – мрачно произнесла Рая, взяв листок с адресом. – Всего доброго, Любовь Петровна.

– И тебе. Ты уж держись сама...

– Конечно.

В этот раз Рая решила воспользоваться общественным транспортом – она знала, что автобус идет от остановки, что у дома свекрови, – прямо к той самой больнице. Не так давно ездила по этому же маршруту, проведать одну из продавщиц по просьбе Олега...

Рая села в автобус, нашла свободное местечко в конце салона, забилась туда, прямо за дверь, за перегородку.

Только сейчас на Раю напало то самое неприятное ощущение, называемое в народе отходняком, когда после всех потрясений наступает наконец минутка тишины и возникает осознание произошедшего.

Автобус ехал медленно, то и дело останавливаясь перед светофорами и на остановках. Рая покачивалась на сиденье и боялась заснуть. Глаза щипало после

бессонной ночи. Олег жив, и это главное, теперь можно расслабиться, но как тут расслабишься, бедный Никита...

Рая вспоминала вчерашний вечер, как Никита радовался всем и вся, а уж новость, которую преподнесла ему жена в качестве подарка, и вовсе взбудоражила мужчину. Он, такой осторожный, позволил себе даже выпить бокал шампанского. «Но это не он виноват в аварии, это точно. Нелепая случайность, плохие погодные условия. Я помню, Никита вел машину очень осторожно, да и бокал шампанского, наверное, к тому моменту уже давно выветрился. Как же жаль – такой молодой, на пике счастья... Второй ребенок... А я, дура, завидовала. Кому завидовала – вдове, да еще в положении...»

Автобус подъехал к больнице; Рая чуть не пропустила остановку, выскочила в последний момент.

За высокой железной оградой находилась территория больницы. Дорожки, выложенные плиткой, были уже сухие, а рядом, на газонах, еще лежал снег. Вернее, лед – черно-серой бугристой коркой, из которой торчали веточки кустов. Было холодно, но светило яркое солнце. «Забыла очки от солнца... ну да ладно, тоже мне страдания...»

Перед зданием больницы, занимавшей старый, наверное, еще до революции построенный особняк, со ступенями, колоннами и каменными львами на возвышениях, располагалась небольшая площадка с клумбой и скамейками.

На одной из скамеек... сидел Олег. Откинувшись назад, руки в карманах куртки, глаза закрыты. Рая бросилась бежать к нему, чувствуя, что опять готова разреваться.

– Олег...

– А?! Ты... Рая... – Он заморгал, поднялся, обнял ее.

– Милый. Мой милый. Самый лучший.

– Ну все, все, не плачь.

- Я ничего не знала о тебе, что с тобой...

- Какое горе.

- Знаю. Я была у твоей мамы.

Некоторое время они стояли, обнявшись.

- Как Ангелина?

- Сложно сказать. Вроде ничего, и с ребенком все хорошо, но сама понимаешь...

- К ней уже можно? - спросила Рая.

- Я сейчас пойду к лечащему врачу, поговорю еще с ним, потом, надеюсь, меня пустят к Ангелине.

- Я с тобой.

- Зачем? - страдальчески поморщился Олег.

- Как... зачем? Поддержать ее, - растерялась Рая.

- Она еще не знает, что Никиты больше нет. Я не смог ей сказать. Что с ней тогда будет...

- Конечно, конечно... - забормотала Рая. - Надо подождать, пока она окрепнет.

- А у тебя все на лице написано. Ты войдешь к ней, и она все поймет.

- Ты прав.

- Так что я пока сам со всем этим буду разбираться.

- Хорошо, - покорно произнесла Рая.

– А ты иди домой, отоспись. – Олег поцеловал Раю в лоб, уколол заодно выросшей за ночь щетиной. – Иди.

– А когда тебя ждать?

– Я не знаю.

– Жалко Ангелину, – прошептала Рая.

– Просто нет слов. Она вообще... нелегко ей в жизни пришлось. Мне Никита рассказывал, что в школе ее физрук домогался. А она даже пожаловаться никому не могла.

– Я не знала, – растерялась Рая. – Вот гады бывают... И кто таких в школу пускает работать?!

– Я должен теперь поддержать ее. Сам... сам все организовать. Похороны и все такое. Там же еще ребенок, Серафима... И денег у Ангелины на самом деле не так много. Это мы шикуюем, а они... – Олег не договорил, замолчал.

– Ну да, у тебя – семьдесят пять процентов, а у Никиты – всего лишь двадцать пять...

Олег усмехнулся. Потом произнес, глядя куда-то в сторону, щурясь на ярком мартовском солнце:

– А ты знаешь, Рая, а это ведь я во всем виноват.

– Почему ты?

– Я не отговорил его. Никита не должен был садиться за руль, особенно выпив.

– Один бокал шампанского!

– Вот именно. Кто знает. Реакция могла быть другая. Дело одной секунды. И все.

– Ты пытался отговорить Никиту. И я отговаривала, – напомнила Рая.

– Значит, плохо мы его отговаривали. И даже если предположить, что дело вовсе не в том злосчастном бокале, мы могли бы спасти его. Просто тем, что не поехали бы той дорогой, в то же время. Это были все знаки, знаки нам, а мы не понимали, не видели... Сама судьба пыталась нас остановить! Ну все, иди, иди уже. Тяжело.

Рая еще раз обняла мужа и побрела прочь.

На выходе, у железной ограды, где росла сирень (пока еще даже почки не набухли), в голых ветвях резвилась стайка воробьев. Птицы задорно чирикали, прыгали с ветки на ветку, то взлетали, то вновь садились на куст.

Эта воробьиная возня, такая веселая и беззаботная, напоминала о том, что в городе уже весна. Еще чуть-чуть, и окончательно сойдет снег, пробьются в земле ростки, и запахнет дождем, нагретым асфальтом и еще чем-то таким, свежим, терпким, напоминающим о счастье...

Только вот Никита уже не увидит, не услышит этого, не ощутит тепла... И никогда не поднимет на руки своего ребенка. Того, что носила сейчас под сердцем Ангелина.

Рае от этих мыслей стало настолько плохо, что она опять чуть не заплакала, когда садилась в автобус – на этот раз едущий напрямик к ее дому.

Сошла на остановку раньше, у торгового центра, там купила себе новый телефон, приобрела новую сим-карту с тем же ее, прежним номером. Была бы Раина воля, она бы и номер сейчас сменила, легко, чтобы уж ничего ее не связывало с тем страшным событием, которое произошло ночью.

Уснуть так и не смогла. Лежала на кровати и все думала, думала... О том, что такое смерть. Как она нелепа, безжалостна и неотвратима. И забирает самых любимых.

Теперь Рая не чувствовала к Ангелине никакого раздражения. Одна нежность и еще жалось. И правда, бедная девочка... Что с ней будет, когда узнает правду о

муже. Вдова. Такая юная и уже вдова!

Как хорошо, что все хлопоты об этой осиротевшей семье взял на себя Олег. Он настоящий друг. Сколько бы он там ни потратил на помощь Ангелине – не жалко. «Даже спрашивать не стану, поддержи его во всем!» – решила Рая.

Все-таки ей удалось уснуть, и проспала она до следующего утра. Проснулась, схватила новый телефон: Олег не звонил? Нет.

Сама звонить мужу Рая не стала, не захотела его беспокоить.

Сварила себе кофе, а потом сидела над чашкой в задумчивости. Из головы опять не шла Ангелина и то, что рассказал о ней вчера муж. Что к Ангелине, когда она училась в школе, приставал учитель физкультуры. А она молчала и никому не могла пожаловаться.

С детьми так случается: они терпят то, что нельзя терпеть, и молчат. Возможно, именно эти преследования со стороны учителя и сделали Ангелину такой... немного странной.

Рая встала, взяла пластиковую бутылку с отстоявшейся водой и вышла на лестничную площадку перед лифтом. Полила стоявший там цветок. Пусть все живое живет.

...Олег появился дома только следующим утром. Бледный, с уже заметно отросшей щетиной, с новыми морщинками на лице, залегшими возле губ.

– Как ты? – бросилась его обнимать Рая.

– Погоди. Устал. – Он отстранил ее. – Все время на ногах. От следователя только что. Рассказывал, что тогда произошло на дороге.

– Это тебе чем-то грозит? – испугалась Рая.

– Да ну. Перестань. Эти вечные твои страхи. Мне ничего не грозит, и никому тоже, ты словно не замечаешь самого главного... Человека больше нет! А все остальное – так, ерунда.

- Ты прав, - съежилась Рая. - Но я тревожусь за тебя. Где ты, как. Что с Ангелиной? Что ее врач говорит?

- Ой... ну что говорит. Я половину не понял. Короче, с ней все в порядке. Ребенок не пострадал, и нет никаких признаков того, что она его потеряет. Я так понял, если она его не потеряла сразу, то и потом ничего страшного не будет. Как-то так. А вообще - она же кесарево тогда делала, помнишь, когда с Серафимой? И вот типа если бы был сильный удар, то швы на матке могли бы разойтись, кровотечение и чуть ли не смерть... Уф, не могу про все это. Короче - все нормально и есть шанс, что ребенка она не потеряет.

- Ты так и не сказал ей? Про Никиту?

- Сказал, - мрачно буркнул муж и упал прямо в одежде на диван. - Пришлось. С доктором, конечно, посоветовался. Тот сказал, должна выдержать. Таблеток, конечно, ей навывисывали, уколы делали...

- И... как она?

- Рая. Ну как она может быть, - страдальчески застонал муж. - Хреново, конечно. Я от нее не отходил. Завтра буду заниматься организацией похорон, а сейчас хочу отдохнуть.

- Хорошо, - кротко произнесла Рая и ушла в другую комнату.

Она ничуть не обижалась на мужа за то, что тот разговаривал с ней раздраженно. После такого вряд ли кто сможет держать себя в руках. Но... червь сомнения все равно грыз Раю.

Получается, Олегу она не просто была не нужна, а даже мешала. Ей, по-хорошему, надо отойти сейчас и не будоражить мужа лишними вопросами. Ему и так нелегко.

Но, с другой стороны... Почему он поехал в больницу с Ангелиной, а не с ней, своей женой? Почему он даже не поинтересовался о ее, Раином, здоровье - тогда, вчера, когда она прибежала к нему в больницу? Она ведь, Рая, тоже сидела в той самой машине, кувыркавшейся в воздухе, словно мячик. Он не

звонил ей, не искал ее.

Она сама пришла к нему, она сама разыскала его... И теперь муж морщится от ее вопросов. Как странно все. Хотя глупо и в высшей степени эгоистично в такое время обижаться, выставлять счета и выкатывать претензии. Не ревнует же она мужа – к Ангелине? Нет, конечно, ерунда какая.

Олег проспал часа два, затем перекусил наскоро и опять ушел. Рая ему только одно сказала: что, если нужна помощь, она готова, только скажи... Но муж лишь головой покачал в ответ. Потом ушел и вернулся опять лишь к вечеру. Уже не такой измученный, а скорее собранный и целеустремленный. Видимо, ему удалось сделать все то, что он задумал. Уж Рае ли не знать Олега...

– Как Ангелина? – спросила она осторожно.

– Выписалась.

– Но как?!

– Вот так. Угрозы для жизни и здоровья матери и ребенка – нет. Она сама захотела. Мы с доктором пытались ее отговорить, но... К тому же завтра с утра прощание, затем поедем на кладбище. Я все устроил, заказал, договорился.

– Ты молодец. Ты настоящий друг и... ты герой.

– Ай, перестань, – отмахнулся муж. – Так вот, Ангелина собирается во всем этом участвовать. Говорит, что не может просто так остаться лежать, тем более она именно потому и потребовала себя выписать.

– Мне надо ехать на прощание?

– Конечно! – изумился Олег. – Или Никита для тебя ничего не значит?

– Дело не в этом. Я боюсь сделать что-то не то, лишнее, я боюсь огорчить тебя.

– Раечка, ну как мне надоели твои вечные страхи...

– Хорошо, не буду, – кивнула Рая. – Ты просто говори мне, что делать. Куда, когда, где и что. Давай мне инструкции, а я буду молчать.

– Тебе обязательно выяснять отношения сейчас? – с тоской спросил Олег.

– Прости.

Он помолчал, потом подошел к Рае, обнял ее, положил ее голову себе на плечо. Все Раино беспокойство куда-то исчезло...

– Я все время вспоминаю тот наш разговор, – прошептала она. – Я знаю, сейчас не время, но...

– Какой разговор?

– Тогда, на дне рождения Никиты. Ты сказал мне, что и нам пора родить своего ребенка. Я так хочу...

– Рая! – Муж резко отстранил ее, посмотрел ей в глаза с каким-то ужасом. – Сейчас действительно не время.

– Я понимаю. Согласна. Просто ответь мне – ты не передумал и мы еще обсудим это? Потом, конечно. Я просто успокоюсь и не стану приставать к тебе с этими разговорами.

– Ты в состоянии думать сейчас о детях? Я – пока нет.

– Ты все время думаешь о детях – о Серафиме и другом ребенке, том, которого сейчас ждет Ангелина.

– Да потому что они уже существуют, а нам о чем беспокоиться? – разозлился Олег. – Ну ты даешь, в такой момент... Я просто поражен твоей бесчувственностью!

– Прости. Прости.

– Ладно. Уже поздно. Давай спать. Завтра очень сложный день.

...Последний день марта.

Опять дождь и мокрый снег. Но в отличие от той ночи уже теплее. Сырой, промозглый ветер. Под ногами – жидкая грязь, которую коммунальщики не успевали убирать.

Рая добиралась до места встречи одна: Олег вышел из дома чуть свет. Сказал, что ему надо заехать сначала за Ниной Филипповной, потом за Ангелиной.

Рая вызвала такси, потом спохватилась – а цветы? Попросила таксиста остановиться у цветочного киоска, купила букет из десяти красных гвоздик.

Наконец оказалась у серого здания морга. Зашла внутрь. Там, в узком коридоре, уже все собрались: несколько незнакомых мужчин, Ангелина, вся в черном, и Нина Филипповна, опирающаяся на палочку.

– Сейчас будет отпевание, потом поедem на кладбище. – Олег отвел Раю в сторону, наклонился к ее уху. – Мы все поедem в автобусе, а ты вызови такси и вместе с Ниной Филипповной поедешь.

– Места мало?

– Дело не в этом... Нина Филипповна все время плачет, это негативно действует на Ангелину. Ты же видишь, она держится, но ни к чему ее нервную систему раскачивать. Нине Филипповне, чтобы она не обижалась, скажешь, что с ее больной ногой удобнее в такси, в автобус трудно забираться.

– Хорошо. А ты с кем?

– Я с Ангелиной. Она сейчас только меня слушается. И держится молодцом, пока я рядом.

– Поняла. А Серафима?

– Господи, Рая, ну ей же три всего, куда ее... Бедная девочка, она не выдержит всего этого. Я нашел няню, сейчас с ребенком она.

Рая кивнула.

Началось прощание. Запах ладана, позвякивание цепочки, на которой висело кадило, монотонная и протяжная молитва, которую читал батюшка, пожилой и солидный. Никита, как помнила Рая, был при жизни атеистом, но так полагалось.

Рая держала под руку Нину Филипповну, уже совершенно обессиленную от слез. В конце прощания помогла той дойти до гроба, чтобы она смогла поцеловать в последний раз Никиту.

Стали садиться в автобус, Рая вызвала такси – оно прибыло быстро. Нина Филипповна залезла в салон долго и мучительно: мешало больное колено... Наконец, все разместились и поехали.

Ехали долго. Затем оказались у ворот кладбища; Рая опять вела Нину Филипповну под руку и боялась, что не удержит пожилую женщину и та упадет. Что тогда делать, Рая не представляла. Поэтому буквально волокла на себе Нину Филипповну, не давая даже возможности той завалиться.

– И почему я еще живу, – бормотала Нина Филипповна с отчаянием. – Хотя я знаю почему. Ради моей дорогой Серафимочки, кровиночки моей родненькой.

– Да, вы нужны ей. Как она без бабушки... – с мрачной горячностью согласилась Рая. – Никита, я уверена, хотел бы, чтобы вы вырастили его дочь. И второго ребенка.

– Да, да, – истово согласилась пожилая женщина. – Я все смогу. И второго ребенка мы тоже поднимем. Я должна. Я должна! Вот операцию на коленном суставе сделаю и опять как новенькая буду бегать. Все ради его памяти, ради моего Никитушки...

Рая не плакала. Она чувствовала, что если начнет плакать – то все, пиши пропало, держать Нину Филипповну она не сможет.

Место на кладбище, разрытая земля. Вокруг – могилы и кресты. И темно-серое небо, из которого сыпался дождь вперемешку со снегом.

Никого вокруг, только работники кладбища. И какой-то мужчина неподалеку. Странного вида. Хотя почему странного, просто он был рыжий. Темно-рыжие, слегка вьющиеся волосы, довольно длинные; маленькая рыжая борода, соединенная с рыжими усами. Ничего клоунского, но и не вычурно, не так, словно хипстер и только что из барбершопа... Просто рыжий человек, и все. С бородкой, аккуратно подстрижен. Правильные черты лица. Хорошая кожаная куртка, узкие джинсы. Еще молодой, но не слишком. Лет тридцати пяти, наверное. Этот мужчина стоял в стороне, у соседней могилы, одна рука в кармане, в другой он держал над собой черный широкий зонт и пристально смотрел... почему-то на нее. На Раю. Или ей показалось, что мужчина наблюдает за ней? Потому что она сама уже не могла смотреть на рыдающих людей вокруг, на разрытую черную могилу. Только и осталось сил, чтобы глядеть на незнакомца, стоявшего напротив.

* * *

Суббота. Богдан, только проснувшись и выглянув в окно, сразу ощутил тоску. С утра дождь со снегом. Над городом повисла, и, судя по всему, надолго, свинцовая туча, сквозь которую теперь не мог пробиться ни один солнечный лучик.

Как странно. Он-то – дома, в тепле и уюте, а она – там, одна. Посреди холода, мрака и всей этой весенней непогоды.

Вообще это бред какой-то. Мама всегда, сколько помнил себя Богдан, жила рядом с ним, тут. А прошлой осенью, по какому-то глупому недоразумению, по несправедливости судьбы, – ее вдруг отвезли в какое-то неприятное место на окраине города и там оставили навсегда.

Кому, зачем это понадобилось? Богдан до сих пор злился и недоумевал. Ему не хватало мамы. Она всегда по утрам варила ему кофе, он просыпался от этого аромата. Мама звонила ему по телефону, когда он уходил из дома, на работу. В последнее время по выходным они с мамой ходили в театры или музеи. Шлялись по торговому центру, затем набирали продукты в тележку – домой, запас как раз на неделю. Смотрели по вечерам кино и иногда пили по рюмочке шоколадного

ликера (его мама обожала).

Некоторые считали Богдана «маменькиным сынком», чуть не в глаза говорили – стыдно в тридцать шесть лет жить в одной квартире с матерью, но Богдану на все эти рассуждения было плевать. Он думал только о себе, о своем удобстве. Ему было удобно с мамой. Всё. Остальное не имеет значения. Не важно, как и каким образом человек творит свое счастье. Если он чувствует, что ему хорошо в данных условиях, в данных обстоятельствах, то нет смысла делать как надо. Сейчас время свободы, и необязательно жить по тем жестким правилам, по которым существовало человечество раньше.

Богдан быстро собрался и вышел из дома. Выехал из подземного гаража и направил свою машину туда, где теперь находилась мама.

Прибыв на место, оставил машину на стоянке и дальше уже пошел пешком, перешагивая через многочисленные лужи. Один участок, другой, третий... Вот и мамин участок. Она вон там, если идти по этой дорожке...

Дальше Богдана ждал неприятный сюрприз. Рядом с тем местом, где теперь находилась мама, грохотал маленький экскаватор, копая землю и нещадно чадя. Клубы сизого дыма летали вокруг.

– Эй... Блин, тут что происходит? Вы охренели?!

– А что такого? – оглянулся работяга в местной униформе, стоявший рядом с ямой. – Могилу копаем.

– Вы же тут все порушите! Посмотрите, тут же люди рядом лежат! – указал Богдан на то место, где теперь покоилась мама. – Сейчас ограду ведь заденете...

– Не волнуйтесь, мы осторожно. Привычные. Все будет в порядке, – попытался утихомирить его рабочий.

Но Богдана так просто было не успокоить. Поначалу он ругался, спорил с работягами, затем, поняв, что на процесс повлиять не сможет, устроился неподалеку – чтобы следить за всем. И в случае чего сфотографировать возможные бедствия и потом уже явиться в администрацию кладбища – с

жалобой на конкретные безобразия.

Экскаватор уехал, рабочие еще чего-то там поправили лопатами и тоже ушли. Богдан решил стоять до последнего. Ведь потом работяги будут обратно все закапывать?

«Я здесь, – мысленно обратился он к маме. – Я рядом и не позволю, чтобы тебя побеспокоили, мамочка!»

Через некоторое время, довольно скоро, появилась процессия из скорбящих. Несли гроб. «А, это они...» – несколько успокоился Богдан, смирившись. Чужое горе смягчило ему сердце.

Процессия остановилась рядом с соседним участком. Плакали, что-то говорили. В основном говорил мужчина, женщины вытирали слезы, давились в рыданиях.

Не плакала лишь одна женщина.

Она была похожа на ворону. Или галку, что ли, кто в них разберется, в этих птицах... Вся в черном, с черными длинными волосами, вроде собранными на макушке, а вроде и разбросанными по плечам. Причудливая такая прическа, надо сказать. Сверху была накидка.

Эта женщина привлекла внимание Богдана потому, что уж очень необычной, ненатуральной даже, казалась ее внешность. Высокие скулы, длинный прямой нос. Губы тоже интересной формы. Глаза – и те какие-то необычные. «Пластическая хирургия? – даже задумался Богдан. – Нет, не похоже... Она сама по себе, эта особа – вот такая, не как все!»

В интересе Богдана не было никакого сексуального подтекста. Он просто ощущал любопытство из серии, как это сделано, почему привлекает внимание, в чем особенность данной конструкции. Ну, как архитектор, прикидывал.

Кого хоронят, Богдан, прислушиваясь, скоро разобрал. Какого-то мужчину, погиб в автомобильной аварии. Кто провожает его в последний путь? Вон тот товарищ образцово-плакатного вида (такие обычно в советском кино играли главных, положительных героев), лучший друг покойного. Та пожилая дама с палочкой –

его мать. Вот эта девица с белокурыми кудрями и ротиком-вишенкой, напоминающая приторно-хорошеньких барышень, нарисованных на конфетных коробках, – жена. То есть вдова теперь. А вот кто эта молодая женщина-птица, поддерживающая за локоть пожилую даму с палочкой? Сестра покойного? Какая-то родственница? Знакомая, коллега?

Зачем это надо было ему знать? Ну как, ведь эти люди теперь – практически соседи. Мамины соседи.

«Они, кажется, неплохие, – мысленно обратился к матери Богдан. – Ты знаешь, думаю, они не слишком назойливые и вполне интеллигентные. Не станут тебе докучать, мам!»

Он опять уставился на женщину-птицу, не в силах разобраться, красивая она или, наоборот, крайне уродливая, неприятная. Но чем-то она завораживает: когда поворачивает голову, машинально прикасается свободной рукой к волосам, прикрытым полупрозрачной кружевной накидкой черного цвета. Что-то испанское, средиземноморское в ее внешности, пожалуй. Подобный женский типаж Богдан терпеть не мог.

Руки, кстати, у нее красивые. Узкие запястья, длинные пальцы – на вид сильные, изящные. Все увешаны браслетами, фенечками, множеством разнообразных колец.

К ней кто-то обратился по имени: Рая. Значит, Рая ее звали. Раиса. Старомодное, непривычное имя. Из тех далеких времен, когда «починяли примусы», когда женщины мыли полы, подоткнув юбки и передвигаясь на карачках. Раиса – имя женщины, которая жила в коммуналке. И в комнате у которой стоял комод, покрытый белой салфеткой, жесткой от крахмала, а на салфетке, выстроившись в ряд, стояли семь слоников. Это имя пахло нафталином и едкими духами «Красная Москва»...

Словом, в сегодняшние реалии это имя никак не вписывалось.

В какой-то момент эта самая Раиса, вероятно, почувствовала, что за ней наблюдают. Повернулась, уставилась на Богдана. Прямо в упор, не мигая.

Глаза зеленоватого оттенка, скорее даже болотного. Уголки у висков чуть приподняты. Взгляд не человека, а какого-то существа. Богдану стало вдруг жутко, аж мурашки по спине побежали, между лопаток, и он отвел взгляд.

«Мама, мне эта особа не нравится. Я не хотел бы, чтобы она сюда приходила!»

* * *

После все поехали в ресторан – поминать.

Для этих целей Олег арендовал небольшой зал.

Рая наконец «сняла со своих рук» Нину Филипповну, усадила ту в кресло.

Сели за стол, официанты понесли поминальные блюда. Олег все время говорил и говорил что-то: каким замечательным и необыкновенным был его друг и что это невосполнимая потеря... Нина Филипповна слушала Олега, не отрываясь, то и дело кивала. И повторяла в паузах непрерывно, словно саму себя уговаривая, что теперь ее жизнь полностью посвящена внукам, и внуков – Серафиму, и того, нового, еще не рожденного малыша – надо всем миром поставить на ноги.

Ангелина же сидела молча и неподвижно, словно статуя. Она о чем-то напряженно думала, сведя брови. Наверное, о том, как ей жить дальше. Рая пыталась несколько раз с ней заговорить, но молодая вдова словно не слышала ее и продолжала думать о чем-то своем.

Рая ей сочувствовала – ну просто невозможно как. Не знала, что еще можно сделать для Ангелины, как себя вести. Для себя Рая решила, что теперь будет помогать бедной молодой женщине чем угодно.

Единственное, что немного мешало Рае, – это то, что муж не отходил от Ангелины. Раи же словно не существовало, была одна Ангелина. Нет, Рая не являлась настолько эгоистичной и инфантильной, чтобы в такой день требовать к себе внимания, нет... Но Олег ее совершенно не замечал. Они были не вместе. Рая – пустое место для него сейчас. Изредка просил о чем-то: что-то сделать, устроить, но так, словно Рая являлась чем-то вроде услуги, чья задача – выполнять поручения, и только.

Всю свою нежность и заботу Олег отдавал Ангелине. В сущности, именно Ангелина являлась центром всего в этот день. Начиная речь о Никите, Олег сводил все к Ангелине, упоминая о Нине Филипповне – опять возвращался к Ангелине.

Нет, понятно – судьба и будущее именно Ангелины – теперь волновали всех, но...

Рая ревновала Олега к Ангелине и саму себя ругала за эгоизм и глупость.

К середине вечера неожиданно появился Лев.

Возник в дверном проеме, оглядел кабинет, сидящих за столом. И первым делом направился к Ангелине. Обнял, прошептал ей что-то на ухо. Затем обнял поднявшегося к нему Олега, и они стояли так, неподвижно сцепившись, довольно долго... Потом Лев долго целовал руки Нины Филипповны.

Наконец, сел, официантка поставила перед ним тарелку с поминальными блинами.

– Думал, не смогу сегодня, – сказал Лев. – Но получилось. Выкрутился, хоть на поминки успел.

– Спасибо, Левушка, – тяжело вздохнул Олег. – Ну, давайте, не чокаясь...

Выпили. Сегодня уж никто не собирался садиться за руль...

– Как ты доехал тогда в аэропорт? – не выдержала, спросила Рая Льва.

– Раечка, ну зачем об этом сейчас? – страдальчески прошептал Олег и отвернулся.

– Да-а, не самая лучшая погода тогда была, – задумчиво произнес Лев.

– Не-на-вижу нашу погоду! – отчеканила громко Ангелина.

Олег опять метнул на Раю недовольный взгляд, который означал: «Думай, о чем говоришь! Не расстраивай Ангелину!»

Нина Филипповна начала вспоминать, каким Никита был в детстве. Все слушали, склонив головы. Ангелина тихонько встала из-за стола, отошла к окну. Лев тоже встал, подошел к ней. Рая заметила, что Олег внимательно смотрел за ними, потом, видимо, понял, что с Ангелиной сейчас все более-менее в порядке, и отвернулся, принялся дальше слушать Нину Филипповну.

Рая же все наблюдала за Ангелиной.

Ангелина стояла спиной к окну, сложив руки на груди. Лев сел на подоконник, приобнял ту за плечо, что-то шепнул на ухо. Ничего необычного. Ангелина усмехнулась, повернула лицо ко Льву и сказала ему что-то. Тот наклонил голову, приподнял брови, словно удивляясь. Ангелина опять ему что-то сказала – уже с насмешкой в лице. Лев опять поднял брови удивленно.

Ангелина уже шептала ему что-то быстро и неудержимо. Много-много слов.

Лев слушал ее очень внимательно. Потом спросил о чем-то. И опять, в ответ, поток слов от Ангелины.

Лев усмехнулся. Опять приобнял Ангелину, поцеловал ту в плечо. И ответил той буквально одной фразой.

Ангелина посмотрела на него холодным, даже яростным каким-то взглядом. Потом ответила тоже какой-то очень короткой фразой. И опять села за стол – с каменным, неподвижным лицом, опустив вниз глаза. Никто не обратил внимания на диалог Льва и Ангелины. А что такого, старый друг утешает вдову. Поцелуи – не в губы же. Они всегда и все в их компании обнимались и целовались при встречах и прощаниях. Да и вообще, именно Льву словно дозволялось вести себя чуть более фамильярно, ну вот такой он анфан террибль...

Рае же этот диалог показался каким-то необычным. Словно Ангелина на какое-то время забыла, что случилось недавно и по какому поводу они все собрались здесь. «Наверное, Лев пытался отвлечь ее, но, похоже, разозлил, – решила Рая. – Но Олег почему-то не делает Льву замечания, одной мне достается... Это неприятно, но нормально, кстати. Что в трудную минуту мужчина срывается

именно на жене. Мне надо быть более терпеливой. И молчать побольше, правда, ну чего я всюду сую свой длинный нос!»

...Лев опять уехал раньше – на этот раз торопился попасть на рейс в Милан. Рая повезла Нину Филипповну домой, Олег решил сопровождать Ангелину.

У себя дома Рая оказалась только около девяти вечера. Мужа еще не было, но Рая не стала ему звонить – к чему лишний раз дергать человека.

Она приняла душ и сразу легла спать, не дожидаясь мужа: не исключено, что тот останется у Ангелины. Рая и ревновала, и нет. Повода не было. Секс в день похорон с несчастной беременной вдовой? Невозможно! Но... она все равно ревновала мужа к тому вниманию, которое он уделял Ангелине.

Хлопнула входная дверь.

Рая вздрогнула, проснулась. Минут через десять муж вошел в спальню. Не зажигая света, разделся, лег в постель.

И тут Рая не выдержала. Ну не могла она все время держать себя в узде. Повернулась, обняла мужа.

– Что ты делаешь. Не надо, – устало произнес муж.

– Я ничего не делаю, – ответила она. – Я просто тебя обнимаю. Как хорошо, что ты у меня есть. Самый любимый и самый хороший.

Она обняла его сильнее, поцеловала в шею.

– Ты с ума сошла. В такое время... Я не знаю, что там у тебя в голове, но у меня сейчас траур, – мрачно произнес Олег. – Мы сегодня были на кладбище, а сейчас ты просишь о близости!

– Ничего я не прошу, – вздохнула Рая и отодвинулась назад, на свою половину кровати. – Кстати, у Пушкина, у нашего всё: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...»

– Рая!!!

– Все, я молчу. Да, а чего ты не остался с Ангелиной?

Олег помолчал, верно, пытаясь обуздать свое раздражение, а затем ответил:

– Она просила оставить ее на время. Ей хотелось побыть одной. Не до людей ей сейчас!

Вся следующая неделя прошла в относительной тишине и спокойствии. Олег все время пропадал на работе, приходил поздно и рассказывал о том, как прошел день. Рая сидела за переводами, и никто ее ни о чем не просил.

...Она проснулась от колокольного звона. Неподалеку была церковь. «Прямо с утра звонят. Опять какой-то праздник. Какой, интересно?» Рая не отличалась особой религиозностью.

Рая села в кровати, обняла сама себя за плечи. Ее охватило то самое, прежнее, чувство пустоты. Безвременья. Она вдруг представила, что носит в своем теле дитя. Потом роды. Она кормит ребенка грудью. Тяжесть на ее руках – это спит младенец.

– А... а... – согнулась Рая. Ее буквально душило что-то. Она слишком ярко, осязаемо представила своего ребенка, потому что в следующую же секунду, когда поняла, что все это – лишь наваждение, испытала уже тоску. Не было у нее никакого младенчика, да и откуда ему взяться сейчас, когда муж ни о чем не думает, кроме Ангелины.

– Рая, будешь завтракать? – позвал с кухни муж.

Рая вышла из спальни минут через десять.

– Ты что, опять плакала?

– Ну а что мне, веселиться... – пробормотала она. – Что сегодня за праздник? Звонят прямо с утра.

– Сейчас погуглю, – ответил Олег и уткнулся в свой телефон. – Тэ-экс... Седьмое апреля сегодня. Благовещение, оказывается! Марии сегодня ангел принес благую весть – у нее будет ребенок.

Рая сделала неопределенный жест рукой, отвернулась. Ей опять стало не по себе.

– Ну вот. Я так и знал, – огорченно произнес Олег. – С тобой ни о чем нельзя говорить, ты все переносишь на себя! Дети, опять дети. Идея фикс у моей женошки. Да будут у нас дети, угомонись, дай только время на то, пусть все устаканится.

В этот момент телефон у Олега звякнул, сообщая, что на него пришло сообщение.

– погоди. Это от Ангелины. – Олег опять уткнулся в экран. Рая посмотрела на него: лицо у мужа постепенно менялось. Мрачнело, бледнело, опять эти скорбные морщинки в углах губ прорезались!

– Что-то случилось?

Олег, не говоря ни слова, вскочил, едва не опрокинув обеденный стол, куда-то помчался. Рая – за ним. Олег лихорадочно одевался в гардеробной.

– Ты куда?

– Ну что ты все спрашиваешь! – нервно ответил он. – Ангелина пишет, что у нее случился выкидыш.

– О нет, – вздрогнула Рая. – Ужасно. Конечно, ее нельзя оставлять одну. Ты к ней, в больницу?

– Пишет, что дома... Я не знаю, я ничего не знаю! – плачущим голосом воскликнул Олег. Помчался в прихожую, схватил куртку с вешалки и выбежал из квартиры, хлопнув дверь.

...Олег появился в доме вечером – усталый, измученный.

Увидел выражение лица Раи, сразу начал рассказывать:

- Ну что. Был выкидыш. Дома. Несколько дней назад. Ходила к врачу потом - к счастью, никаких последствий, в больницу ложиться ей не надо. Какие-то там исследования сделали, УЗИ или что там... Все в порядке. Хотя, конечно, какой порядок, если ребенка она потеряла... Как врачи говорят, возможно, на нервной почве. И ведь сколько дней молчала, скрывала от меня. Только сегодня решила признаться. Эх, не надо было мне ее одну оставлять! Но она буквально отталкивала меня тогда, после похорон: «Уходи, уходи, хочу побыть одна!» И вот, допрыгалась.

- Ты не можешь быть ответственным за все, - тихо произнесла Рая.

- Я мужик! Я единственный мужчина среди вас, женщин!

- Но ты не бог. У тебя нет власти над всем и вся.

- Ой, начиталась модных психолухов... Это был ребенок Никиты, возможно, мальчик, его повторение... А она - такая молодая, и уже столько испытаний, потерь! У меня сердце от жалости к ней разрывается!

Рая ничего не ответила, легла спать.

Следующие дни прошли в молчании. Олег нервничал, куда-то постоянно бегал, отвечал на звонки, звонил сам, у себя в кабинете раскладывал папки с какими-то документами... В очередной раз убежал, ничего не говоря Рае, а потом, минут через пять после его ухода, в кабинете раздался грохот. Рая испугалась, зашла туда. Оказывается, это бумаги, находившиеся стопкой на столе и, верно, кое-как наваленные, - рухнули на пол.

Рая принялась поднимать их, складывать обратно на стол и на этот раз - аккуратной стопочкой, но вдруг какое-то слово в напечатанном тексте привлекло ее внимание. Слово это - Ангелина.

Рая начала читать весть текст. Обычно она не рылась в документах мужа, никогда не лазила в его телефон, но сейчас не удержалась. Поначалу ничего не поняла из написанного. Потом еще раз перечитала, и еще, спотыкаясь на

юридических терминах и путаясь в официальных оборотах.

И похолодела.

Из данного документа (со всеми печатями и подписями, кстати, заверенного в нотариальной конторе) вытекало следующее: Олег передавал Ангелине двадцать пять процентов своей доли. Теперь Олег и Ангелина являлись компаньонами фирмы на равных правах (учитывая то, что у Ангелины было двадцать пять процентов, которые должны были перейти ей по праву наследования от мужа). Нина Филипповна, помнится, еще раньше говорила, что никак не участвует в этих делах, как-то так это было все юридически устроено без нее... Впрочем, не важно. Важно то, что у обоих теперь, у Ангелины и Олега, по пятьдесят процентов от дохода, который приносила сеть магазинов.

Рая принялась читать и другие документы, и они тоже шокировали ее, хотя не так сильно, как договор с Ангелиной.

Согласно этим документам, Олег потратил весьма значительные суммы на похороны, покупку участка на кладбище, на установку там будущего памятника, и вот еще уже оплаченный чек на весьма недешевую ограду для могилы... Так, а это что? Это бумаги из какой-то клиники. В которой, как поняла, Нине Филипповне предстояло делать операцию по замене коленного сустава.

От этих сумм Рае стало тоже нехорошо.

Хотя, конечно, это дело мужа, тут лучше промолчать, но передача двадцати пяти процентов бизнеса Ангелине... Тут уж точно нельзя молчать!

...Олег вернулся поздно вечером.

Рая спать не ложилась, ждала его.

– Ох, устал. Чаю сейчас выпью и на боковую.

Рая пошла за мужем на кухню.

– Ты отдал Ангелине часть бизнеса? – спросила она спокойно.

– Что? Откуда ты... – Олег замолчал и сделал вид, что страшно занят приготовлением чая.

– А почему ты со мной не посоветовался? – все так же спокойно спросила Рая. – Мы же с тобой семья. А это важное решение – передать двадцать пять процентов бизнеса Ангелине. У нас теперь меньше доход...

– Ну да, с Никитой было семьдесят пять на двадцать пять, теперь с Ангелиной пятьдесят на пятьдесят. И что, вот скажи мне, ты голодать стала? Тебе не на что одежды купить? Ты даже ведь не почувствовала этой разницы!

– Дело не в этом. Почему ты не сказал?

– Да потому что ты опять начала бы ворчать и возмущаться! – закричал Олег. – Ты посмотри на себя – вечно ходишь с надутым лицом, все тебе не так и не эдак... Впечатление, что я у тебя в рабстве и ни на что у меня нет прав. Я могу что-то сделать или сказать только с твоего одобрения!

– Я потому и недовольна, что ты там живешь какой-то своей, отдельной жизнью! Ладно, не хочешь ни о чем говорить – не говори... Но передача части бизнеса – это серьезное решение. Ты должен был поставить меня в известность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tronina_tat-yana/izgnanie-rai

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)